

Copyright © 2023 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1925-1935
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1925

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Main National Idea of the Russian Empire of the XIX century and Its Reflection in the Legislation of the XIX – early XX centuries

Alexey A. Fatyanov ^a, Nikolay A. Mashkin ^a, Anna V. Filippova ^{a, *}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the content of the three components of the ideologeme “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” as a national idea of the Russian Empire, formulated by Count S.S. Uvarov. The authors focused on identifying the degree of legal certainty of each of the components of the well-known triad, as well as on identifying their political and legal assessment by jurists, historians and philosophers of the late XIX – early XX centuries. The research is based on a systematic and formal legal analysis of a number of legislative acts of the Russian Empire – the Supreme Manifestos of 1881, 1905 and 1906, as well as the Main state Laws of April 23, 1906. As a result of the conducted research, the authors found that all three elements of the ideologeme, on the basis of which S.S. Uvarov proposed to build a system of public education and public service to strengthen the unshakable foundations of Russian statehood, are no longer fully reflected in the legislative norms of these acts. Deviations from the completeness of the original content were observed to varying degrees in relation to each of the components of the national idea. The authors substantiate that the component “autocracy” retained its legislative appearance with the least interference, while “nationality”, being previously the most uncertain from a legal point of view, was completely lost in the norms of the Basic state Laws, despite some attempt to introduce popular representation in the exercise of legislative power. Russian Russian Orthodoxy, as the first of the triad of the Russian national idea of the XIX century, was significantly narrowed and reduced only to the participation of the Russian Orthodox clergy (and no other) in the formation of representative power. Thus, by the time the Main state Laws of the Russian Empire were adopted in 1906, the slogan “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” did not have its own legal foundation.

Keywords: Russian Empire, national idea, Orthodoxy, autocracy, nationality, Basic state laws, Constitution.

1. Введение

Знаменитая триада графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» признана национальной идеей Российской империи последнего века династии Романовых. Вместе с тем начало XX века в Российской империи было ознаменовано рядом юридически значимых событий, которые оказали существенное влияние на форму и содержание государственного правления, веками не подвергавшуюся реформированию. Впервые в Российской Империи попытки ограничения самодержавной власти императора нашли отражение в содержании конкретных нормативных правовых актов: в Высочайшем Манифесте от 17 октября 1905 года «Об совершенствовании государственного порядка» ([Высочайший Манифест..., 1909](#)), Высочайшем Манифесте «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года ([Высочайший Манифест..., 1906](#)) и Высочайше утвержденных основных государственных законах от 23 апреля 1906 года ([Высочайше утвержденные..., 1906](#)). Указанные

* Corresponding author

E-mail addresses: Filippova.AV@rea.ru (A.V. Filippova), Fatyanov.AA@rea.ru (A.A. Fatyanov), MashkinN.A.@rea.ru (N.A. Mashkin)

законодательные акты вводили принцип народного представительства при осуществлении императором законодательной власти. Подобное нововведение породило обширную дискуссию, в которой довольно четко сформировались две противоположные позиции: о поддержке ограничения абсолютной власти императора и о критике такого ограничения, что находит подтверждение в опубликованных печатных трудах правоведов, философов, историков, литераторов и государственных деятелей первого десятилетия XX века. Одни из них усматривали в новых институтах государственного управления развитие принципа народности, другие противоречие идее абсолютной монархии, неограниченной самодержавной власти императора.

2. Материалы и методы

Материалами представленного исследования послужили нормы таких законодательных актов, как Высочайший Манифест о восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского ([Высочайший Манифест, 1881](#)) Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года "Об совершенствовании государственного порядка" ([Высочайший Манифест..., 1909](#)), Высочайший Манифест «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года ([Высочайший Манифест..., 1906](#)) и Высочайше утвержденные основные государственных законов от 23 апреля 1906 года ([Высочайше утвержденные..., 1906](#)); а также Устав Общества «Союз русского народа» ([Черновский, 1929](#)) и печатные труды правоведов, философов, историков, литераторов и государственных деятелей конца XIX – начала XX века, такие как Ф.И. Ляликова ([Ляликов, 1851](#)), Ф.М. Достоевского ([Достоевский, 1881](#)), Н.И. Лазаревского ([Лазаревский, 1910](#)), П.Е. Казанского ([Казанский, 1913](#)), Н.М. Коркунова ([Коркунов, 1909](#)), Н. И. Палиенко ([Палиенко, 1910](#)).

Авторами представленного научного исследования применялась совокупность общенаучных и частно-научных методов исследования. Применение метода системного анализа в совокупности с синтезом позволили исследовать идеологему XIX века «Православие. Самодержавие. Народность» в их единстве и взаимосвязи. Формально-юридический и специально-юридический методы применялись при исследовании вопроса об отражении указанной идеологемы в законодательных актах XIX – начала XX веков, а также позволили выявить специфику правового положения высших институтов государственной власти Российской Империи в указанный период, чему также способствовало применение историко-политического и хронологического методов, которые позволили дать оценку правовым нормам с учетом конкретных исторических событий в их последовательности, с учетом уровня развития правовой мысли в указанный период. К полученным на основании перечисленных методов промежуточным результатам был применен также телеологический метод, с помощью которого автором удалось определить степень достижения в процессе принятия новых законодательных актов XIX – начала XX веков цели создания прочной правовой основы, закрепления основных компонентов национальной идеи. Метод контент-анализа позволил провести исследование ряда научных работ XIX – начала XX в поисках оценки значимости компонентов идеологемы «Православие. Самодержавие. Народность» с позиции ведущих на тот момент времени российских правоведов.

3. Обсуждение

Исследованию сущности и значимости триады С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» посвящены научные работы ряда дореволюционных авторов и современных исследователей. Так, в Ф.И. Ляликовым ([Ляликов, 1851](#)) дается подробная характеристика каждой составляющей, а также подчеркивается их неразрывная связь и благотворное влияние на организацию жизни народа в единении с Самодержавным Императором. Примечательным является то, что в указанной работе Ф.И. Ляликов излагает содержание составляющей «Народность» как совокупность действий и событий, совершившихся в среде какой-либо нации и отличающей ее от других ([Ляликов, 1851](#)). Анализ позиции Ф.И. Ляликова о содержании народности показывает, что она является не столько юридической, сколько психологической составляющей, характеризующей отношения народа к событиям Царского Дома, к старшим по возрасту и значению, жертвенность по отношению к Отечеству. Кроме того, в содержание народности Ф.И. Ляликов включал также «подражание хорошему» ([Ляликов, 1851: 44, 45](#)), что с юридической точки зрения является совершенно неопределенным, поскольку требует постоянной оценки соответствия.

Национальная идея Российского государства XIX-XX веков являлась предметом научных исследований ряда современных авторов. К их числу, в частности, относится исследование А.И. Елисейевой, в результате которого ею были сформулированы основные функции национальной идеи. В содержании этих функций заложены прежде всего моральные направления развития российского общества, такие как единение и повышение морального духа, а также «легитимация деятельности политической элиты» и возвышение России на европейской арене ([Елисейева, 2012](#)). Интерес также вызывает подход Д.В. Семикопова и А.А. Захряпина, представленный ими в работе, посвященной поиску «другого» по отношению к русскому историософскому сознанию ([Семикопов,](#)

Захряпин, 2021). В работе обосновано, что к расколу в народности привело искажение первоначального значения содержания формирующих ее основ – православия и самодержавия. Авторы отмечают, что формирование это проходило под мощным давлением Запада как «другого» русской цивилизации. При этом для той части общества, которая была верна старому изводу православия, сама власть стала «другим», что вызвало раскол и в народности (Семикопов, Захряпин, 2021). И.Б. Гаврилов (Гаврилов, 2019) исследовал триаду С.С. Уварова через призму развития образования и государственной службы Российской империи XIX века, а также отмечал ее «антиреволюционный» характер по сравнению с лозунгом революции во Франции. С.В. Нуреева подробно исследовала предпосылки возникновения формулы С.С. Уварова и охарактеризовала ее как сформированный духовно-политический идеал, к которому должна была стремиться Российская империя. Сердцевинной триады стала особая концепция исторического развития России и в дальнейшем (Нуреева, 2012). О.В. Головашина обратилась в своем исследовании к уваровской идеологии для анализа категории «национальная идентичность» в России в XIX веке (Головашина, 2011). В.А. Толстикова более отмечал, что православие, как основа русской культуры, явилась основой и национальной идеи, а также связывал ее развитие с возникновением идеи «христианского социализма» (Толстикова, 2017), из чего можно сделать вывод, что идеология XIX века преодолела рубеж века XX. «Народность», как наименее подвергающаяся однозначному обоснованию категория трилогии С.С. Уварова, явилась объектом исследований целого ряда ученых, среди которых А.В. Малинов (Малинов, 2017), Г.В. Ососков (Ососков, 2017), С.И. Скороходова (Скороходова, 2011), Л.Е. Шапошников (Шапошников, 2022).

Исследование правовых норм Основных государственных законов 1906 года содержится в работах ряда дореволюционных деятелей науки, среди которых Н.И. Лазаревский, поддерживающий переход от абсолютной монархии к монархии конституционной как естественный процесс развития общества, связанный с ростом умственного и нравственного развития народа (Лазаревский, 1910); Н.М. Коркунов, который также давал положительную оценку установления законодательных ограничений власти как необходимое условие каждого сколь-нибудь развитого государственного блага (Коркунов, 1909); Н. И. Палиенко, исследовавший форму правления России на основе формально-юридического анализа содержания Основных государственных законов и отмечавший, что по прошествии нескольких лет после принятия этого правового акта единая позиция о государственном строе в правительственных кругах все еще отсутствовала (Палиенко, 1910). П.Е. Казанский приходит к выводу о том, что государственным строем России в силу положений Основных государственных законов является «самоограниченная» монархия (Казанский, 1913).

Юридическому анализу содержания указанных правовых памятников уделяли внимание такие современные правоведы, как Н.Н. Зипунникова, усматривающая естественное отражение двух основ – «православие» и «самодержавие» в нормах Основных государственных законов 1906 года (Зипунникова, 2010), а также С. А. Котляревский, выявивший юридические предпосылки основных законов и обосновавший конституционную природу данных законов (Котляревский, 2014). Исследования ряда авторов посвящены вопросу о оценке значимости самодержавия для Российского государства и критике его ограничения нормами Основных государственных законов славянофилами. Так, А.А. Васильев на основе анализа трудов деятелей из числа славянофилов формулирует характерные черты самодержавного строя, которые, по мнению славянофилов, отставляют его безусловное достоинство для Русского государства (Васильев, 2010).

При достаточно обширном объеме исследований о сущности национальной идеи Российского государства XIX века и чуть меньшем, но все же существенном объеме исследований о содержании Основных государственных законов 1906 года вопрос об отражении основных начал идеи «Православие. Самодержавие. Народность» в нормах указанного законодательного акта до сих пор не нашел комплексного отражения в трудах историков и правоведов как дореволюционного, так и современного периодов.

4. Результаты

В многочисленной научной литературе и публицистике, посвященной весьма значимому периоду в истории нашего государства – XIX веку, в качестве основной государственной идеологии, то есть, говоря современным языком, национальной идеи, предлагается знаменитая триада «Православие. Самодержавие. Народность» идеологическое оформление которой приписывается С.С. Уварову (1786–1855) в бытность его министром народного просвещения Российской империи (1833–1849) (Нуреева, 2012: 5).

Отметим также, что данная идеология впоследствии трансформировалась в воинский девиз «За Веру, Царя и Отечество!», с которым наши предки шли в бой и побеждали (Нуреева, 2012: 6).

С.С. Уваров формулирует первоначальный вариант ставшей впоследствии столь известной идеологии следующим образом: «Национальная религия. Государство. Народный дух» (Ососков, 2017: 660). Стоит отметить, что подобная система национальных приоритетов «взаимосвязанных великих государственных начал» была предложена министром народного просвещения Российской империи в целях их внедрения, прежде всего, в систему российского образования для подготовки

достойных выпускников. Именно эта логическая последовательность впоследствии была положена в основу вышеуказанной государственной идеи.

Обратимся к первому из нормативных текстов, где эти идеи впоследствии нашли определенное отражение, Манифесту Императора Александра III от 1 марта 1881 г., опубликованному при восшествии его на Российский престол: «Подъемлем тяжкое бремя, Богом на нас возлагаемое с твердым упованием на Его всемогущую помощь. Да благословит Он труды наши ко благу возлюбленного Нашего Отечества, и да направит Он силы Наши к устройению счастья всех наших верноподданных» ([Высочайший Манифест..., 1881: 3](#)).

Итак, на первом месте в данной цитате - Господь Бог, на втором – Император, на третьем – народное счастье как составная часть более широкой категории «народность». Из анализа содержания приведенных актов следует, что нормативные акты стали постепенно впитывать рассматриваемую в данной работе идеологию, трансформируя ее в норму, являющуюся по своей сути торжественным обязательством главы государства перед собственным народом.

О политическом значении идеологии «Православие. Самодержавие. Народность» несколько весьма точных замечаний сделал И.Б. Гаврилов, сопоставив ее с принципами философии французского Просвещения и известному лозунгу революции во Франции 1789 года. И.Б. Гаврилов отмечал прежде всего ярко выраженный антиреволюционный характер российской триады ([Гаврилов, 2019: 166](#)). Помимо этого, И.Б. Гаврилов указывает, что данная формула представляет собой и своеобразный ответ либеральным мистическим идеям в связи с тем, что хотя изданный Александром I рескрипт 1822 года и содержал прямой запрет масонских лож и тайных обществ, это не привело к моментальному изжитию этого увлечения в высшем сословии.

Как представляется, с позиций юридической науки категории «православие» и «самодержавие» являются в достаточной мере определенными. В первом случае речь идет об устойчивом по своей религиозной идеологии ответвлении христианской религии, во втором – о форме государственного правления в виде неограниченной монархии, которые в совокупности дают нам идею национального государства, в котором народ сплачивается посредством единства веры и единства власти.

Напротив, категория «народность» не может быть признана юридически определенной. В силу указанного необходимо остановиться на ее содержании несколько более подробно.

По мысли самого С.С. Уварова, народность есть исторически сложившийся добровольный союз верховной власти и общества, препятствующий развитию социальной розни и вражды, своего рода интерпретация теории общественного договора Ж.Ж. Руссо, с тем лишь исключением, что категория «самодержавие» исключала одну из основных идей данной теории в виде лишения божественного права монарха издавать законы. Основную социальную задачу этого союза, как представляется, точнее всех выразил К.П. Победоносцев, который видел ее в охране русского народа от западного либерализма, демократии, которые развращали народ и отвращали его от проблем страны в пользу самих себя.

Но были и другие суждения. Так, в частности, Ф.И. Ляликов видел отражение идеи народности в сочувствии народа к радостным и печальным событиям Царского Дома – так радость и горе отца разделяются целым семейством, как отражается предмет в верном зеркале ([Ляликов, 1851: 39](#)).

И уж конечно, в данном случае нельзя обойти стороной Ф.М. Достоевского, который следующим образом выражал свои идеи российского государственного патернализма, являющиеся отражением теории народности. Ф.М. Достоевский видел в царе воплощение самого народа, всей его идеи, надежд и верований народа. Царь, по мнению Федора Михайловича, является тем отеческим началом, которое в развитии своем может объединить раздробленный разными враждебными силами народ и тогда составит из отдельных людей, кружков, обществ, сословий единое Отечество ([Достоевский, 2010: 784](#)).

На основании вышеизложенного мы можем констатировать, что народность является категорией, находящейся в однозначной логической взаимосвязи с категорией «самодержавие», говорящей нам, что благо государя есть благо народа, однако приведенная выдержка из Манифеста Императора Александра III ведет нас существенно дальше, определяя в качестве основной задачи самодержавной государственной власти устройство народного счастья.

Следующим нормативным правовым актом, на котором следует остановить свое внимание, является Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем более юридически четко выражается предназначение монаршей власти: «Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная - Его печаль» ([Высочайший Манифест..., 1909](#)). Этот акт юридически оформляет завершение периода абсолютной монархии в России, определенным образом включая население Российской империи в процесс принятия государственных решений, так как устанавливает незыблемое правило, чтобы никакой закон без одобрения Государственной Думы не мог иметь силу, а также вводил надзор со стороны выборных от народа за закономерностью действий поставленных от Императора властей. Помимо указанного, Императором были дарованы основы гражданской свободы, началами которой стали привычные современному гражданину России неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и

союзов. Таким образом, категория «народность» наполняется новым содержанием. Есть версия о том, что текст данного акта подготовил сам Император Николай II.

К категории «народность» наиболее тесно примыкают такие свободы, как свобода собраний и союзов, а также свобода слова. Свобода совести, напротив, имела направленность на размытие одной из трех скреп российской государственной идеи - идеи сплачивающей народ религии, то есть православия. Государственную власть в этом смысле можно понять - Российская империя уже далеко не являлась Московским царством. Это было огромное государственно-территориальное образование, в рамках которого объединялись не только христиане разных исповеданий, но и многочисленные представители других мировых религий.

Манифест от 17 октября 1905 г. имел множество различных последствий, но авторы настоящего небольшого исследования полагают необходимым остановиться на одном из них, имеющем к тому же нормативное содержание, а именно на Уставе общества «Союз русского народа» принятом в 1906 г. (Черновский, 1929), ряд положений которого существенно видоизменяет первоначальный послыл Манифеста. Анализ содержания данного Устава на предмет отражения в нем приоритетов национальной идеи показал, что уваровская триада фактически получила нормативное закрепление, в то же время, учитывая более позднее, по сравнению с принятием Основных государственных законов, утверждение данного Устава, в нем делается особый акцент на самодержавии русском и неограниченном, которое наряду православием и народностью составляет благо Родины. В Уставе не нарушается последовательность, определяющая первостепенное значение православию и самодержавию, однако значимость народности, несомненно, повышается, ей отводится первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. К тому же уставные нормы декларируют стремление всех учреждений к поддержанию величия России, а также преимущественных прав русской народности на основе законности.

Сравнивая положения Манифеста 17 октября 1905 г. и положения Устава «Союза русского народа» который, по некоторым сведениям, поддерживал последний российский Император, мы, с одной стороны, видим существенное различие между юридически выверенными нормами Манифеста и их политическим преломлением в определенную сторону в Уставе. С другой стороны, в Уставе проявляются новые нотки категории «народность» заключающиеся в полном единении главы государства с народом, минуя государственный аппарат (бюрократический строй), что невозможно реализовать в действительности в любом крупном государстве. Как механизм реализации этой идеи Государственная Дума рассматривается создателями Устава в качестве органа, «являющего из себя создание непосредственной связи между державною волею царя и правосознанием народа» (Черновский, 1929: 412), то есть органа, в котором, по их логике, Император должен был непосредственно общаться с представителями населения империи.

Перейдем к анализу ряда положений Основных государственных законов, утвержденным Императором Николаем II 23 апреля 1906 г.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что православию посвящена отдельная глава «О вере» (глава седьмая Основных законов 1906 года). Правоположения данной главы чрезвычайно интересны именно с точки зрения их юридического содержания. Статья 62 устанавливает первостепенство и господство в Российской Империи христианской православной католической веры восточного исповедания. «Первенствующая и господствующая» с формально-юридической точки зрения не означает, что эта ветвь христианской религии являлась в России с момента принятия Основных государственных законов государственной религией. Подтверждение данному выводу мы находим в нормах статей 66 и 67 рассматриваемой главы.

Согласно статье 66 «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства природные (а) и в подданство принятые (б), так иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» (Высочайше утвержденные..., 1906).

Принципиально новый подход к статусу в данный период российской истории можно подтвердить также и тем, что в 1906 году были отменены весьма суровые наказания за действия, которые вели к отступлению от веры православных христиан, ранее существовавшие в уголовном законодательстве Российской империи. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливало такой состав преступления, как отвлечение от христианской веры православного или другого исповедания в веру не христианскую, за которое устанавливалось в качестве наказания лишение всех прав, состояния и ссылка в каторжную работу в крепостях от восьми до десяти лет, а также с наказанием плетью и наложением клейм (Уложение..., 1988).

Основные государственные законы 1906 года провозглашали свободу веры, позволяя каждому исповедовать ту веру, которую исповедовали его праотцы. Каждый населяющий Российскую Империю народ, вне зависимости от того, какую веру от исповедовал, должен был иметь молитвенное попечение об укреплении силы Российской Империи, об умножении ее благоденствия, а также благословение царствования российских монархов. В этом и заключалось объединяющее все народы Империи начало. Однако очевидно, что такое положение существенно искажало национальную идею – триаду, фактически и юридически лишало ее первой составляющей – «Православие», нивелировало ее

первостепенность. Таким образом, авторы настоящего исследования могут констатировать, что категория «православие» из рассматриваемой триады подобия национальной идеи времен Российской империи перестала иметь законодательное подкрепление на уровне государственного права.

Перейдем к нормативному отражению категории «самодержавие» в Основных государственных законах. Глава первая данного акта именуется как «О существе Верховной Самодержавной власти». Следовательно, от норм данной главы можно ожидать полного абриса содержания данной юридической категории. Статья 4 определяет, что Российскому Императору принадлежит Верховная Самодержавная власть, которая включает в себя законодательную власть и власть управления.

Вместе с тем законодательную власть Император осуществляет совместно с Государственным Советом и Государственной Думой. Из этого следует, что законодательная власть Императора не является безраздельной. В то же время решающее значение в вопросе вступления законов в силу имеет утверждение их Императором. Следовательно, любой законодательный акт Император может не утвердить, и преодолеть это его право (в современной юридической литературе именуемое «правом вето») невозможно. Помимо указанного, Императору, согласно статье 8, принадлежит «почин по всем предметам законодательства» (в настоящее время данное субъективное право лица называется законодательной инициативой). Пересмотр же самих Основных государственных законов возможен исключительно по инициативе самого Императора, хотя процедура их пересмотра также предполагала участие Государственного Совета и Государственной Думы. Иными словами, пересмотреть суть юридической платформы государства был вправе только сам Император.

Конечно же, данные правоположения существенно ограничивали возможности Государственного Совета и Государственной Думы по формированию законодательства, сохраняя главные юридические рычаги в руках Императора.

Вторая ветвь государственной власти – власть управления, в соответствии с нормами статьи 10 «во всем ее объеме» принадлежала Императору в пределах всего государства. В «управлении верховном» власть его действовала непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверялась от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим «Его Именем и по Его повелениям» (*Высочайший Манифест..., 1906: 3*).

Единственным ограничением данного права являлось то, что Император был вправе издавать указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления в соответствии с законами, а равно издавать повеления, необходимые для исполнения законов. С учетом того обстоятельства, что ни один не устраивающий Императора закон не мог вступить в силу, соответствие указов и иных повелений Императора законам не имело существенного юридического значения.

Таким образом, можно констатировать, что юридическая основа самодержавной власти в Основных государственных законах, пусть в несколько завуалированной форме, сохранялась неизбежно по всем принципиальным вопросам государственного устройства и общественной жизни его личное мнение было юридически определяющим.

Вокруг данных правоположений в научной литературе начала прошлого столетия разгорелась нешуточная дискуссия. В частности, Н.И. Лазаревский восклицал: «Но не является ли это положение, что государь есть источник всех властей в государстве, простою риторической фигурой? Неужели на деле фактически возможно такое положение вещей, чтобы все органы власти получили свои полномочия, свою возможность властвовать над населением, возможность принуждать его к тому или иному от одного лица, от государя, который само собой, очевидно, не имеет ни малейшей физической возможности сем поддержать все органы государства? Между тем то, что все власти имеют свое основание и свой источник в Государе и только в нем, он же есть, так сказать, нечто самодовлеющее в самодержавном государстве, есть несомненный факт, а не только фикция» (*Лазаревский, 1910: 69*).

В данном суждении, как полагают авторы настоящей работы, заложено существенное противоречие. Глава государства в большинстве развитых стран как в рассматриваемый период, так и сегодня осуществляет свое правление не один, он опирается на государственный аппарат, который готовит проекты решений, обосновывает их, а глава государства затем осуществляет выбор между ними, исходя из своего убеждения. Это очевидный факт. А вопрос заключается в другом: что делать, если глава государства склонен принять явно ошибочное решение? Как в этом случае преодолеть его волю? При реализации модели самодержавия по российскому образцу это было невозможно. Император Николай II неоднократно и глубоко заблуждался в своей внешней и внутренней политике, но его волю юридически никто преодолеть не мог. Кончилось это, к огромному сожалению для потомков, подвалом дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге.

Но были и противоположные суждения, принадлежащие перу целого направления в российской политической и юридической науках того периода. Современный исследователь государственно-правовых взглядов славянофилов А.А. Васильев отмечает, что их сторонники видели неразрывную связь русского самодержавия и христианского сознания народа, более того, самодержавие обуславливалось этим сознанием. Самодержавие для славянофилов виделось в

качестве несомненного блага, которое освобождает сам народ от тягот жизни политической, поэтому народ добровольно доверяет всю полноту этих тягот монарху без какого бы то ни было ограничения и наделяет его своим безусловным почтением и молитвенным попечением.

Вопрос о неограниченности самодержавной власти правовыми нормами виделся естественным и по тому не вызывавшем сомнений. Приоритет здесь имели нормы нравственные, а не нормы права, которым приписывался характер формальных гарантий, уступающих в своем регулятивном воздействии доверию народа самодержавному монарху. Положения о наследовании самодержавной власти также воспринимались в качестве механизма защиты насильственному захвату власти теми, кто по сути не способен к несению бремени государственного дела. Несение же этого бремени имеет характер нравственного подвига, что особо почитается народом (Васильев, 2010: 71).

При анализе данных суждений становится очевидным, что они основываются на некоем морально-нравственном фундаменте, не имеющем ничего общего с прозой организации реальной государственной деятельности в огромном, сложно устроенном государстве под названием Российская империя.

В ту конкретную историческую эпоху существования нашего государства неизбежен был к постановке и еще один вопрос: а готова ли была наиболее политически активная часть общества в лице русской аристократии и интеллигенции разделить с главой государства бремя государственного управления империей? Готова ли она была проявлять государственную мудрость, осуществлять жесткие и непопулярные шаги ради сохранения государства? И вообще, могла ли она представлять интересы большинства населения?

Обратимся к составу Государственного Совета, основной задачей которого, как следует из статьи 1 Книги первой Свода учреждений государственных, является обсуждение законодательных предположений, восходящих к Верховной Самодержавной власти. Состав Государственного Совета определялся двояко: половина его членов были "призываемы Высочайшей властью", а вторая половина избиралась. Выборы в члены Государственного Совета проводились из числа представителей определенных учреждений: Православной Российской Церкви (обратим внимание на то, что иное духовенство представительства в данном органе не имело), Губернских земских собраний, Дворянских обществ, образовательных и научных учреждений – Императорской Академии наук и Императорских Российских университетов, от Совета торговли мануфактур, Московского его отделения, местных Комитетов торговли и мануфактур, Биржевых комитетов и Купеческих управ.

Важно отметить, что в силу установления определенных квот, указанные учреждения не имели равного представительства в Государственном Совете. Для примера, от духовенства полагалось шесть членов Государственного совета, от дворянских обществ - восемнадцать, от Академии наук и университетов в совокупности - шесть членов, от коммерческого сообщества - двенадцать членов. Картина получалась пестрой, вряд ли позволяла создать какие-то коалиции в силу разновекторности своего состава и полностью исключала возможность представительства от остального многомиллионного населения Российской империи. Так что о «народности» в части состава Государственного Совета говорить не приходилось.

Для выборов в Государственную Думу соответствующим Положением была предусмотрена чрезвычайно сложная система, в основу которой была положено двухуровневое голосование, в результате которого сначала выбирались выборщики от каждого уезда, которые затем образовывали Губернские Избирательные Собрания под предводительством губернских предводителей дворянства. При этом выборщики в каждом уезде избирались: 1) съездом землевладельцев; 2) съездами городских избирателей; 3) съездом уполномоченных от волостей; 4) съездом уполномоченных от казачьих станиц (где таковые имелись). Поскольку даже в выборах выборщиков не было всеобщности голосования, попадание в Государственную Думу лиц, которые реально могли представлять интересы «широких народных масс», сводилось к минимуму. Добавим к этому, что помимо лиц, лишенных по суду прав состояния, состоящих под следствием и судом, предусматривающих такие наказания, в выборах не могли участвовать иностранные подданные и многие лица в силу возрастных ограничений до 25 лет, гендерных ограничений – лица женского пола, ограничений по роду занятий и службы – обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины армии и флота, состоящие на действительной службе.

Таким образом, из числа не даже не избираемых, а выборщиков исключалось огромное число подданных Российской империи, в том числе имеющих активную жизненную позицию. О какой уж «народности» в этом случае могла идти речь.

Однако даже в таком «урезанном» представительстве Государственная Дума все же была органом, в определенной мере отражающем умонастроения и чаяния населения основной части Российской империи. Подвергнем краткому анализу предметы ведения Государственной Думы. К ним, в соответствии со статьей 31 главы пятой Учреждения, относились вопросы законодательства – принятие законов и внесение в них изменений и дополнений, некоторые вопросы государственных финансов, вопросы учреждения акционерных компаний, если они предполагали «изъятия» из действующих законов (Учреждение..., 1906).

Учитывая направленность данной работы прежде всего на установление уровня «народности» в деятельности главного представительного органа того периода, обратим внимание прежде всего на механизм законодательной инициативы, то есть возможность лиц вносить предложения по принятию законов. Как следует из норм статьи 34 Положения правом законодательной инициативы обладали министры, главноуправляющие отдельными частями, комиссии, образованные из членов Думы, Государственный Совет.

Учитывая то обстоятельство, что воля министров и главноуправляющих есть по своей сути продолжение воли Императора, наибольший интерес представляет собой правовой механизм, согласно которому законопроекты вносятся комиссиями членов Государственной Думы. В данном случае также был предусмотрен непростой механизм с участием министров и главноуправляющих, существенно сковывающий законодательную их законодательную инициативу.

Как мы видим, приоритет в законотворческой деятельности принадлежал министерствам и иным административным ведомствам. Государственная Дума, прежде чем стать инициатором законопроекта, должна была идти практическую конфронтацию с представителями государственной администрации, что являлось одним из оснований для прекращения ее деятельности в данном созыве. "Народность" (в смысле демократических начал управления государством, где основная власть принадлежит выбранному гражданами (подданными) парламенту) в законотворческой деятельности в описанном правовом механизме не просматривается даже в отдаленном горизонте. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о том, что принимаемые в тот период времени законодательные акты шли бы в разрез с интересами населения Российской Империи с учетом достигнутого на тот момент общего уровня развития правовой науки. В частности, нераспространение избирательных прав на женщин было в тот период практически общей тенденцией в развитых государствах, недаром об американской демократии начала XX века говорили как о демократии белых состоятельных мужчин.

5. Заключение

Основная часть российских законодательных установлений была вполне логична и шло постепенное, жаль, что очень медленное, не соответствующее по темпам бурному XX веку движение от аристократического правления к расширению демократических начал. Но ведь и опираться на мнение существенной доли неграмотного или малограмотного населения империи по принципу «один человек – один голос» в тот период времени было чревато потрясениями.

В Основных государственных законах отражение категории «православие» как первой из триады русской национальной идеи XIX века было существенно сужено и сводилось лишь к участию русского православного духовенства (и никакого иного) в формировании представительной власти.

Категория «самодержавие» сохраняла свое значение в полном объеме до печальных событий февраля 1917 года. Практически ничем не ограниченная власть императора, пусть в несколько завуалированной форме, была сохранена.

О реализации категории «народность» в нормах Основных государственных законов можно говорить только с очень большой натяжкой, если можно говорить вообще.

Таким образом, к моменту принятия Основных государственных законов Российской империи 1906 г. лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» не имел своего юридического фундамента.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0002 "Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики Российской Федерации и совершенствование механизмов обеспечения национальной безопасности в контексте миграционных процессов в молодежной среде", финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Литература

Васильев, 2010 – Васильев А.А. Государственно-правовые взгляды славянофилов // *Известия АлтГУ*. 2010. №2-2. С.70-73.

Высочайше утвержденные..., 1906 – Высочайше утвержденные основные государственные законы от 23 апреля 1906 года. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. С. 456.

Высочайший Манифест..., 1881 – Высочайший Манифест о восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского // *Журнал Гражданского и Уголовного Права*. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. 1881. Книга вторая. С. 3-4.

Высочайший Манифест..., 1906 – Высочайший Манифест «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года. СПб.: Типолитография «Свет», 1906. Том 302. С. 1-4.

Высочайший Манифест..., 1909 – Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года "Об совершенствовании государственного порядка". Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад "Право", 1909. С. 150-151.

Гаврилов, 2019 – *Гаврилов И.Б.* К характеристике философии образования С.С. Уварова // *Христианское чтение*. 2019. № 5. С. 161-173.

Головашина, 2011 – *Головашина О.В.* Национальная идентичность в России: базовая модель // *Fractal Simulation*. 2011. №2. С. 64-73.

Достоевский, 2010 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. / Сост. комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.

Елисеева, 2012 – *Елисеева А.И.* Эволюция российской национальной идеи в XV–XX вв.: условия формирования и основные черты // *Pro nunc*. 2012. №1 (11). С. 42-47.

Зипунникова, 2010 – *Зипунникова Н.Н.* Идеологема «Самодержавие православие народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. №4. С.7-16.

Казанский, 1913 – *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора: очерки действующего русского права / П. Е. Казанского ординарного профессора, декана Юридического факультета Имп. Новороссийского университета. Одесса : тип. «Техник», 1913. XL, 960 с.

Коркунов, 1909 – *Коркунов Н.М.* Русское государственное право : Пособие к лекциям / 6-е изд. Под ред. и с доп. прив.-доц. С.-Петерб. ун-та З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга и К.Н. Соколова. Т. 1-2. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 630 с.

Котляревский, 2014 – *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. 340 с.

Лазаревский, 1910 – *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. 479 с.

Ляликов, 1851 – *Ляликов Ф.И.* Православие, самодержавие и народность, - три незыблемые основы Русского царства. Соч. Ф. Ляликова. Одесса: в Тип. Л. Нитче, 1851. 48 с.

Малинов, 2017 – *Малинов А.В.* Понятие «народность» в историософской концепции С.С. Уварова // *Россия в глобальном мире*. 2016. №8 (31). С. 519-526.

Нуреева, 2012 – *Нуреева С. В.* Константы государственности в России в XIX веке // *Актуальные проблемы российского права*. 2012. №3. С. 4-11.

Ососков, 2017 – *Ососков Г.В.* Официальная идеология Российской империи XIX века «Православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017. №12-3. С. 659-662.

Палиенко, 1910 – *Палиенко Н.И.* Основные законы и форма правления в России: юрид. исслед. / Ярославль: Топогр. Губ. правления, 1910. 78 с.

Семикопов, Захряпин, 2021 – *Семикопов Д.В., Захряпин А.А.* Европа как "другой" русского историософского сознания: от средневековья к модерну // *Вестник Мининского университета*. 2021. №1(34). С. 11-27.

Скороходова, 2011 – *Скороходова С.И.* «Православие-народность-самодержавие» в историософии ранних славянофилов // *Преподаватель XXI век*. 2011. №1. С. 240-250.

Толстиков, 2017 – *Толстиков В.А.* Национальная идея России: к вопросу об эволюции представлений и метода формирования // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2017. №1(42). С. 52-55.

Уложение..., 1988 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Российское законодательство X-XX веков. Том 6. М., 1988. С. 174-309.

Учреждение..., 1906 – Учреждение Государственной думы 1906 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. СПб., 1909. № 27424. Отделение 1. С. 150-154.

Черновский, 1929 – *Черновский А.А.* Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А. Черновский. М.; Ленинград: Государственное издательство, 1929. 444 с.

Шапошников, 2022 – *Шапошников Л.Е.* С.С. Уваров как предтеча евразийства // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2022. №5-1. С. 747-749.

References

Chernovskii, 1929 – *Chernovskii, A.A.* (1929). Soyuz russkogo naroda : po materialam Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g. [Union of the Russian People: based on materials of the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government of 1917]. Sost. A. Chernovskii. M.; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 444 p. [in Russian]

- Dostoevskii, 2010** – *Dostoevskii, F.M.* (2010). Dnevnik pisatelya. [Writer's Diary]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 880 p. [in Russian]
- Eliseeva, 2012** – *Eliseeva, A.I.* (2012). Evolyutsiya rossiiskoi natsional'noi idei v XV–VV vv.: usloviya formirovaniya i osnovnye cherty [The evolution of the Russian national idea in the 15th–20th centuries: formation conditions and main features]. *Pro nunc.* 1(11): 42-47. [in Russian]
- Gavrilov, 2019** – *Gavrilov, I.B.* (2019). K kharakteristike filosofii obrazovaniya S.S. Uvarova [To characterize the philosophy of education of S.S. Uvarova]. *Khristianskoe chtenie.* 5: 161-173. [in Russian]
- Golovashina, 2011** – *Golovashina, O.V.* (2011). Natsional'naya identichnost' v Rossii: bazovaya model' [National identity in Russia: a basic model]. *Fractal Simulation.* 2: 64-73. [in Russian]
- Kazanskii, 1913** – *Kazanskii, P.E.* (1913). Vlast' vserossiiskogo imperatora: ocherki deistvuyushchego russkogo prava [The power of the All-Russian Emperor: essays on current Russian law]. Odessa: tip. "Tekhnik", XL. 960 p. [in Russian]
- Korkunov, 1909** – *Korkunov, N.M.* (1909). Russkoe gosudarstvennoe pravo : Posobie k lektsiyam. T. 1-2. [Russian state law: Lecture manual. T 1-2]. SPb: tip. M.M. Stasyulevicha. T 1-2. 630 p. [in Russian]
- Kotlyarevskii, 2014** – *Kotlyarevskii, S.A.* (2014). Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie predposylki russkikh osnovnykh zakonov [Constitutional state. Legal background of Russian fundamental laws]. M.: Zertsalo-M. 340 p. [in Russian]
- Lazarevskii, 1910** – *Lazarevskii, N.I.* (1910). Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitutsionnoe pravo. [Lectures on Russian state law. T. 1. Constitutional law]. SPb. 479 p. [in Russian]
- Lyalikov, 1851** – *Lyalikov, F.I.* (1851). Pravoslavie, samoderzhavie i narodnost', - tri nezyblemye osnovy Russkago tsarstva [Orthodoxy, autocracy and nationality are the three unshakable foundations of the Russian kingdom]. Soch. F. Lyalikov. Odessa: v Tip. L. Nitche. 48 p. [in Russian].
- Malinov, 2017** – *Malinov, A.V.* (2016). Ponyatie «narodnost'» v istoriosofskoi kontseptsii S.S. Uvarova [The concept of “nationality” in the historiosophical concept of S.S. Uvarova]. *Rossiya v global'nom mire.* 8(31): 519-526. [in Russian]
- Nureeva, 2012** – *Nureeva, S.V.* (2012). Konstanty gosudarstvennosti v Rossii v XIX veke [Constants of statehood in Russia in the 19th century]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.* 3: 4-11. [in Russian]
- Ososkov, 2017** – *Ososkov, G.V.* (2017). Ofitsial'naya ideologiya Rossiiskoi imperii XIX veka «Pravoslavie – samoderzhavie – narodnost'» (sotsial'no-filosofskii analiz) [The official ideology of the Russian Empire of the 19th century “Orthodoxy – autocracy – nationality” (socio-philosophical analysis)]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya.* 12-3: 659-662. [in Russian]
- Palienko, 1910** – *Palienko, N.I.* (1910). Osnovnye zakony i forma pravleniya v Rossii: yurid. issled. [Basic laws and form of government in Russia: legal. research]. Yaroslavl': Topogr. Gub. Pravleniya. 78 p. [in Russian]
- Semikopov, Zakhryapin, 2021** – *Semikopov, D.V., Zakhryapin, A.A.* (2021) Evropa kak "drugoi" russkogo istoriosofskogo soznaniya: ot srednevekov'ya k modern [Europe as the “other” of Russian historiosophical consciousness: from the Middle Ages to modernity]. *Vestnik Mininskogo universiteta.* 1(34): 11-27. [in Russian]
- Shaposhnikov, 2022** – *Shaposhnikov, L.E.* (2022). S.S. Uvarov kak predtecha evraziistva [S.S. Uvarov as a forerunner of Eurasianism]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo.* 5-1: 747-749. [in Russian]
- Skorokhodova, 2011** – *Skorokhodova, S.I.* (2011). «Pravoslavie-narodnost'- samoderzhavie» v istoriosofii rannikh slavyanofilov [“Orthodoxy-nationality-autocracy” in the historiosophy of early Slavophiles]. *Prepodavatel' XXI vek.* 1: 240-250. [in Russian]
- Tolstikov, 2017** – *Tolstikov, V.A.* (2017) Natsional'naya ideya Rossii: k voprosu ob evolyutsii predstavlenii i metoda formirovaniya [The national idea of Russia: on the question of the evolution of ideas and method of formation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana).* 1(42): 52-55. [in Russian]
- Uchrezhdenie..., 1906** – Uchrezhdenie Gosudarstvennoi dumy 1906 g. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Establishment of the State Duma in 1906]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. 26. SPb., 1909. № 27424. Otdelenie 1. Pp. 150-154. [in Russian]
- Ulozhenie..., 1988** – Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh [Regulations on criminal and correctional punishments]. Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vekov. Tom 6. M., 1988. Pp 174-309. [in Russian]
- Vasil'ev, 2010** – *Vasil'ev, A.A.* (2010). Gosudarstvenno-pravovye vzglyady slavyanofilov [State-legal views of Slavophiles]. *Izvestiya AltGU.* 2-2: 70-73. [in Russian]
- Vysochaishe utverzhdennye..., 1906** – Vysochaishe utverzhdennye osnovnye gosudarstvennye zakony ot 23 aprelya 1906 goda [The highest approved basic state laws of April 23, 1906]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e. T. 26 (1906). SPb., 1909. № 27805. 456 p. [in Russian]
- Vysochaishii Manifest..., 1881** – Vysochaishii Manifest o vosshestvii Ego Imperatorskogo Velichestva, Gosudarya Imperatora Aleksandra Aleksandrovicha na Praroditel'skii Prestol Vserossiiskoi Imperii i na nerazdel'nye s nim Prestoly: Tsarstva Pol'skogo i Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo [The Highest Manifesto on the accession of His Imperial Majesty, Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich to the Ancestor Throne of the All-Russian Empire and to the inseparable Thrones: the Kingdom of Poland and the

Grand Duchy of Finland]. *Zhurnal Grazhdanskogo i Ugolovnogogo Prava*. Izdanie S.-Peterburgskogo Yuridicheskogo Obshchestva. Kniga vtoraya. Pp. 3-4. [in Russian]

Vysochaishii Manifest..., 1906 – Vysochaishii Manifest «O izmenenii uchrezhdeniya Gosudarstvennogo Soveta i o peresmotre uchrezhdeniya Gosudarstvennoi Dumy» ot 20 fevralya 1906 goda i Vysochaishe utverzhdenykh osnovnykh gosudarstvennykh zakonakh ot 23 aprelya 1906 goda. [The Highest Manifesto “On changing the establishment of the State Council and on the revision of the establishment of the State Duma” dated February 20, 1906 and the Highest approved basic state laws of April 23, 1906]. SPb.: Tipolitografiya “Svet”, 1906. Tom 302, pp. 1-4. [in Russian]

Vysochaishii Manifest..., 1909 – Vysochaishii Manifest ot 17 oktyabrya 1905 goda "Ob sovershenstvovanii gosudarstvennogo poryadka". *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.* [The Supreme Manifesto of October 17, 1905 “On Improving State Order.” Legislative acts of transitional times. 1904-1908]. *Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenii komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya*. SPb.: Yurid. kn. sklad "Pravo", 1909. Pp 150-151. [in Russian]

Zipunnikova, 2010 – *Zipunnikova, N.N.* (2010). Ideologema «Samoderzhavie pravoslavie narodnost'» v politike rossiiskogo gosudarstva v sfere obrazovaniya i nauki pervoi poloviny XIX v.: normativno-pravovoe zakreplenie i problemy realizatsii [The ideologeme “Autocracy, Orthodoxy, nationality” in the policy of the Russian state in the field of education and science in the first half of the 19th century: legal framework and problems of implementation]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Yuridicheskie nauki. 4: 7-16. [in Russian]

Основная национальная идея Российской империи XIX века и ее отражение в законодательстве XIX – начала XX веков

Алексей Александрович Фатьянов ^a, Николай Афанасьевич Машкин ^a,
Анна Владимировна Филиппова ^{a, *}

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется содержание трех составляющих идеологемы «Православие. Самодержавие. Народность» как национальной идеи Российской империи, сформулированной графом С.С. Уваровым. Авторы сделали акцент на выявлении степени правовой определенности каждой из составляющих известной триады, а также на выявлении политико-правовой их оценки правоведами, историками и философами конца XIX – начала XX веков. Исследование основано на системном и формально-юридическом анализе ряда законодательных актов Российской империи – Высочайших Манифестов 1881, 1905 и 1906 годов, а также Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. В результате проведенного исследования авторами установлено, что в законодательных нормах указанных актов уже не находят полноты своего отражения все три элемента идеологемы, на основе которых С.С. Уваров предлагал выстраивать систему народного просвещения и государственной службы для укрепления незыблемых основ российской государственности. Отступления от полноты первоначального содержания в разной степени наблюдались в отношении каждой из составляющих национальной идеи. Авторами обосновано, что с наименьшим вмешательством законодательное обличие сохранила составляющая «самодержавие» тогда как «народность» будучи и ранее наиболее неопределенной с правовой точки зрения, в нормах Основных государственных законов вовсе затерялась, несмотря на некоторую попытку введения народного представительства при осуществлении законодательной власти. Отражение категории «православие» как первой из триады русской национальной идеи XIX века было существенно сужено и сводилось лишь к участию русского православного духовенства (и никакого иного) в формировании представительной власти. Таким образом, к моменту принятия Основных государственных законов Российской империи 1906 г. лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» не имел своего юридического фундамента.

Ключевые слова: Российская империя, национальная идея, православие, самодержавие, народность, основные государственные законы, конституция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Filippova.AV@rea.ru (А.В. Филиппова),
Fatyanov.AA@rea.ru (А.А. Фатьянов), MashkinN.A.@rea.ru (Н.А. Машкин)